

Андрей Болотов

Живописатель природы

Андрей Болотов

Живописатель природы

«Public Domain»

1798

Болотов А. Т.

Живописатель природы / А. Т. Болотов — «Public Domain», 1798

«Книга сия составилаь ненарочно. Некогда вздумалось мне написать небольшую пиесу о красоте природы таким тоном, какой во всей этой книге господствует. Я написал ту, которая помещена здесь под заглавием «К снегам при сошествии их весною». Это была самая первая, и сие было еще в апреле 1794 года. Она мне полюбилась, я сочинил тогда и другую под заглавием «К оживающей траве и первой зелени весною». А обе сии пиесы и захотели меня заниматься сочинениями сего рода и более переписывая соединять их в одно место, а от того произошла сия книга и все сочинения, в ней находящиеся. Они писаны в разные времена и более для собственного своего удовольствия, ибо признаюсь, что минуты, употребленные на сочинение и переписывание оных, были для меня веселы, а по всему тому и не взыщите, дорогой читатель, если вы найдете в ней что-нибудь вам неуютное и неприятное...»

© Болотов А. Т., 1798

© Public Domain, 1798

Содержание

Нечто в предуведомление о сей книге читателя	5
1. К Брюму	6
2. К зиме пред окончанием оной	9
3. К мальвам или розам во время цвета их	12
4. Ко времени созревания плодов	16
5. К бархатцам	22
Конец ознакомительного фрагмента.	25

Андрей Тимофеевич Болотов
Живописатель природы
*или опыты сочинениям, относящимся до
красоты природы и увеселения себя оными*

Нечто в предуведомление о сей книге читателя

Книга сия составилаь ненарочно. Некогда вздумалось мне написать небольшую пиесу о красоте природы таким тоном, какой во всей этой книге господствует. Я написал ту, которая помещена здесь под заглавием «К снегам при сошествии их весною». Это была самая первая, и сие было еще в апреле 1794 года. Она мне полюбилась, я сочинил тогда и другую под заглавием «К оживающей траве и первой зелени весною». А обе сии пиесы и захотели меня заниматься сочинениями сего рода и более переписывая соединять их в одно место, а от того произошла сия книга и все сочинения, в ней находящиеся. Они писаны в разные времена и более для собственного своего удовольствия, ибо признаюсь, что минуты, употребленные на сочинение и переписывание оных, были для меня веселы, а по всему тому и не взыщите, дорогой читатель, если вы найдете в ней что-нибудь вам неуютное и неприятное.

1. К Брюму (сочинено в Богородицке 1794 в апреле)

О! буди благословенно первое появление твое, великолепный вешний брюм! Паки вижу я тебя, паки наслаждаются очи мои красотами твоими, паки не насмотрюсь я на тебя, о завеса, сотканная из нежных чадов и курений земных! О сеть, сплетенная перстами премудрой природы, и флер, составленный из веществ, невидимых нами, и превосходящий все флеры, сотыкаемые наилучшими художниками в свете. Как могу я описать все прелести и красоты твои и изобразить словами то, что ты видом своим производишь в нежной и чувствительной душе.

В каких изящных и приятных видах представляешь ты все предметы, видимые вдали! Какими драгоценнейшими красками покрываешь их и какою кистью изображаешь целую картину предо мною, картину, каковую ни один из смертных живописцев со всем искусством своим соорудить не в состоянии! Какие живые, нежные и различные колера вижу я повсюду! Какие пурпуры здесь, какие нежные зелени тамо, какие тонкие и разноцветные тени, какие голубые и лазоревые прелестные колера испещряют все отделенности, какая приятная смесь между всеми ими, какая гармония между тенями и светом, каким разных и нежнейших колеров бархаты разостланы тамо по всем холмам и в долинах, какое приятное зрелище составляют из себя леса, бугры и горы. В каком отменном и прелестнейшем виде представляются очам моим все места и вещи пред тем натуральным, какой они вблизи имеют, и каким очарованием утешает натура мое зрение!

Вся душа моя упоется неописанною сладостию при смотреии на сие прелестное зрелище в натуре. Как некакой мед разливается по всему существу и по всей внутренности ее. Она ощущает нечто особенное в себе, нечто отменно приятное, нежное, восхитительное и такое, чего никакие слова изобразить не могут. Сии ощущения приводят в такой восторг душу мою, что отлетают из ней все прочие помышления ее, засыпают все ее заботы и мрачные попечения, и она, находясь в наисладчайшем мире и успокоении, занимается одним только зрелищем сим и одним только любится им.

О завеса, сотканная из чадов, извлеченных парами из недр земных лучами солнца! О брюм великолепный! Сколько ни смотрю я на тебя, не могу насмотреться, и сколько ни люблюсь тобою, не могу налюбоваться довольно. Какие приятные минуты доставляешь ты мне собою теперь, какие доставлял в претекшие лета. Сколько сот, сколько тысяч минут помог ты уже мне в жизнь свою препроводить и наиприятнейшем веселии, веселии и таком, которое прямо безвинным и беспорочным назваться может. Сколько прекрасных утров и вечеров провел я при помощи твоей в таком удовольствии, о каком весьма многие и понятия не имеют. Сколько раз увеселял ты меня во время путешествий дальних и увеселял столько, что я забывал затем все трудности путешествия и душа моя при всех беспокойствах дорожных плавала в удовольствии неописанном. На каждой версте представлял ты иногда мне новые зрелища и такие картины, из коих одна другой была прелестнее и очаровательнее. Коль часто бывало то, что я так засматривался на них, что мнил находиться посреди галереи, украшенной великолепнейшими живописями, и не меньшее чувствовал удовольствие, как бы и действительно находясь в оных. Сколь много раз самым дурным местоположениям придавал ты собою наиприятнейший вид и меня столько ж ими увеселял, сколько и прекраснейшими. Вся натура получала от тебя иной образ, и ты собою скрывал все ее недостатки и самые безобразия превращал в прелести.

О натура! Какое благодеяние между прочими бесчисленными оказала, показываешь ты и брюмом сим всем чувствительным душам. Всем творениям твоим, имеющим способность любоваться прелестями и красотами природы. Коль многим из них подаешь ты случай пользоваться прямо жизнью их и наслаждаться такими минутами, кои неописанной сладости и кои

составляют участки истинного блаженства на земле. Как много обязаны они тебе за то и сколь счастливы все те из них, кои сему драгоценному искусству от лет юных научились и, будучи с тобою давно знакомы, везде твои прелести искать, везде их усматривать, везде их чувствовать и ими увеселяться умеют. Коль отменно течение дней их от других многих, и сколь счастливее они тех, кои сего дара не имеют, но живут, тебя не зная, и умирают, не узнав.

Смейтесь, сколько хотите, вы, не знающие сего блаженного искусства и не имеющие об оном никакого понятия, насмехайтесь и, буде хотите, презирайте, поносите и даже хотя ругайте тех, которые почитают оное и, прилепляясь к нему, упражняются в жизнь свою в оном и занимаются часто такими вещами, которые в глазах ваших не что иное суть, как сущие безделки. Судите о поступках их как вам угодно, называйте деяния их глупостями и разглагольствия о том бреднями и ребячествами. Я не хочу вам прекословить и, пожав плечами и вздохнув, то только разве скажу, что вы человеки и что человекам весьма-весьма сродно обманываться и в суждениях своих о таких вещах ошибаться, которые им не коротко знакомы и которых они сами не испытывали. Напротив того, других смело уверяю, что если б имея только способность к таким чувствованиям, какие имеют любители природы, восхотели сами они некогда спознакомиться с сим искусством и самолично испытать все приятности оногo, то собственные уста их скоро бы не то и совсем противное тому вещать стали.

Что касается до меня, то я торжественно говорю, что никогда! Никогда не могу я довольно возблагодарить судьбу мою за то, что она не лишила меня сего дара, но преподала мне случай спознакомиться с природою еще в самое утро дней моих и спознакомиться с такой стороны, которая наиприятнейшею и для человекoв наиполезнейшею почесться может. Какую великую пользу получил я от того! Сколь великое множество минут моих, сколько часов и дней целых посреди обуреваний житейских усладила она в жизнь мою, и сладость сию впечатлела так глубоко в недра души моеи, что я, нередко вспоминая удовольствия, чувствованные за несколько лет до сего, ощущаю и поныне еще такую ж почти сладость душевную, какую ощущал в тогдашнее время, когда любовался где-нибудь тобою и прелестями твоими, натура!

Двадцать крат возобновлялась уже весна с того времени, как я жил в стране, восприявшею некогда первое дыхание мое, но я без чувствования особенного удовольствия не могу и поныне еще вспоминать тех счастливых и безмятежных дней цветущих лет своих, которые проводил я тамо в местах милых для меня в мире, тишине и спокойствии, и тех приятных часов, которые столь часто в уединении просиживал я по утрам при отверстом окне жилища, воздвигнутого мною на горе, где живали прадеды мои, и смотря с оной на излучистую Скнигу, речку милую и любезную мне, текущую с приятным журчанием внизу мимо окон, любовался бесчисленными прелестями твоими, натура, и насыщался брюмом и другими красотоми твоими столько, что от удовольствия позабывал все на свете, не желал ничего множайшего и почитал себя счастливым на земле. Хоть протекло после того так много уже лет, хоть сделался я от мест сих отлученным и выдаю их очень редко, однако и ныне, всякий раз когда ни возвращаюсь я в мыслях своих в сии давно претекшие времена в сию страну праотцов моих и воспоминаю приятные часы оные, как вся душа моя приходит в восхищение, наполняется приятными ощущениями, и я пользуюсь минутами счастливыми в жизни.

О, какая особливая выгода для нас, что мы можем воспоминаниями сими возобновлять в душах наших те же чувствования и всегда ощущать вновь такие же почти удовольствия. Колико крат ни можем мы повторять и возобновлять в сердцах своих оные и чрез то усугублять число приятных минут в жизни, и коль многого удовольствия лишаются те, кои сим драгоценным искусством не пользуются и пользоваться не умеют.

О брюм неоцененный! источник многих забав и удовольствий душевных! Я паки обращаюсь к тебе: благословенно буде вешнее возобновление твое! Хоть не одну тысячу раз видал я тебя, хоть несколько сот крат утешалась душа моя тобою и в вешнее и в летнее и самое осеннее время, но никогда! никогда! не прискучивал ты мне, но ты был равно мил, равно приятен

и равно утешен всегда для меня. Я и ныне при вечере дней моих столь же много увеселяюсь тобою, как утешался в самые лучшие годы жизни своей. Ты и поныне еще при наставании каждого ясного дня и при первом простирании взоров моих вдаль разливаешь по всей душе моей столь приятные ощущения и доставляешь мне такую отраду и удовольствие, которое и никак описать не могу. О буди же мне в течение и нынешней весны и лета столь же утешителен, как был во все претекшие годы и во все прежние дни!

2. К зиме пред окончанием оной (сочинено в марте 1795)

Еще ты у нас и еще длишься, хладная зима, со всеми суровостями твоими! – Солнце, колико ни старается выдираться из-за снежных облаков и согреть лучами своими воздух, колико ни силится удалять тебя от нас в страны севера, но ты все еще преодолеваешь оно. Только изредка и очень редко, да и на короткое время и немногие только дни позволяешь ты ему сиять на свободе, великолеповать среди яхонтового неба и греющими лучами своими ласкать нас скорым приближением весны. Но едва толь начнут лучи сии касаться воскрылиев одежды твоей и разрушать пушистую ее поверхность, разрывая связь снежинок, премудро устроенных тобою, и превращать их в капли водяные, едва только начнут капли сии, соединяясь между собою, составлять первейшие сонмищи свои на дорогах снежных, едва только начнут катиться и ниспадать они на землю с кровель жилищ наших, – как вдруг останавливаешь ты их опять в действии своем. Ты насылаешь паки стужу свою с седыми тонкими облаками, и они сокрывают от нас опять наше ясное Солнце! По велению твоему настают паки хладные ветры и морозы, и в единый миг тогда исчезают все предметы, прельщающие нас до того, и ты возвращаешься опять во всем прежнем своем виде и совершенстве.

* * *

О, длись и продолжайся еще, зима, и не спеши так скоро удаляться от нас! Весьма многим из обитателей стран сих нужна еще ты и продолжение твое. Многие тысячи не исправили, еще всех нужд своих, которые нужно им исправить в течение твое. Многие находятся еще в путешествиях дальних и спешат воспользоваться остатками твоими, спешат по мягким и спокойным путям твоим достичь до жилищ своих. Многие не успели из отдаленных стран привезти жито на пропитание себе и семейств своих, а того нужнейшее для обсева нив своих. У многих других не заготовлены еще разные вещи и товары и не доставлены до мест, откуда в плывучих громадах повлекут их по хребтам своим вешние воды и реки в отдаленные страны. Ко многим не возвратились еще из дальних стран милые сродники и друзья их, долженствующие прибыть последним путем твоим, зима, полезная нам.

Все сии и тысячи других людей вожделеют продолжения твоего. Все они с усердием хотят, чтоб продлилась ты подолее и не спешила никак уходить от нас. Для всех их и малейшее пригревание солнца и первейшие тали, производимые оным, толико же неприятны, как милы они любителям природы и всем желающим скорейшего настанья весны. Сколько приятны для сих и малейшие скопищи вод на путях и лощинах, колико утешителен для них и малейший ручеек воды вешней и каждый бугорок, обнажившийся от снега, столько для тех противны и неприятны все сии первые предвозвестники весны. Едино воззрение на них возмущает уже дух в них и производит опасение в сердцах их, чтоб весна не настала скоро и половодь не захватила б милых родных их на пути и не подвергла б опасностям разным.

С каким удовольствием взирает иной отец всякой раз на возобновляющуюся стужу твою, мрачная и облачная зима, теперь! Како благословляет каждый мороз твой, каждое снеговое облако и каждый хладный ветер, присылаемый тобою от севера к нам. Ему мнится, что каждая перемена таковая ручается ему о нескором еще отбытии твоем и каждая из них производит в нежном сердце его новые лучи надежды, что милые и отсутственные дети его, единое утешение и подпора старости его, успеют еще сим путем в его объятия возвратиться и не претерпят никаких зол в путешествии своем и произведут радость и удовольствие душе его. Он веселится духом при узрении каждой перемены таковой, спешит извещать о том подругу свою, нежную

мать, заботящуюся об них еще более его. Оба они сообщают друг другу удовольствия свои; оба питаются надеждою скорого свидания с ними и благословляют вновь продолжающуюся стужу твою.

С каким рвением поспешает теперь путешественник иной продолжать езду свою по гладкому еще и спокойному зимнему пути. Он не теряет ни минуты своего времени, забывает и покой, и сон свой, восстает с полуночи и при свете луны не едет, а летит по холмам и равнинам и не навеселится духом, слыша еще скрип и свист под полозьями саней своих. Каждую ночь таковую почитает он наиблагословеннейшею для себя, и с каждою из них возобновляет надежду свою, что успеет еще отъехать далеко и до половоди добраться до мест, где его радости и удовольствия или крайние нужды и дела ожидают.

Колико радуется и како благословляет дление твое инде целая ватага простодушных поселых, везущая избытки Господина своего или свои собственные на продажу. Обоз из многочисленных повозок, нагруженных наилучшими плодами полевыми, которые орошены потом их, провождается ими медленными стопами до отдаленной столицы. Они при отъезде из домов готовились уже заранее терпеть все нужды и труды, с распутицею неразрывные. Они горевали уже предварительно о слабых и тощих сотрудницах, лошадях своих; они мнили, что измучат их до изнурения, тащив на них свои возы тяжелые по дорогам дурным, грязным и по самой обнажившейся уже земле. По бывшей оттепели при отъезде их, утравившей распутицею скорою, не надеялись они переехать и половины пути своего по снегу. Но восстановившаяся стужа и возвратившиеся морозы твои, зима! успокоили умы и разлили радость по сердцам их. Забыв все, поспевают они теперь с удовольствием уже продолжать путь свой, и единое только хлопанье рука об руку, соединяемое с шутками и издевками друг над другом, слышимо между ими, едва успевающими бежать за возами своими. Другая дружина встречается с ними, возвращающаяся уже из града и знакомая им. Сия летит на легких санях своих с вырученными уже деньгами в дома свои и умножает удовольствие их, рассказывая им о доброте дороги и высоких ценах хлебом. Они внимают вещаниям их, радуются и надеются и сами успеть воспользоваться временем еще холодным и столь же скоро и с таким же удовольствием возвратиться по снегу к домашним своим!

С какою неутомленностию трудятся инде поселяне теперь по утрам морозным и с каким рвением поспевают молотить остальные одоньи свои. Каждое утро таковое драгоценно и вожделенно для них. Они стараются не упустить ни единого из них. Встают с полуночи со всем семейством своим, и стук цепов их раздается по воздуху тихому во мраке и слышен повсюду далеко.

Со всем тем, сколько ни силишься ты себя поддерживать, зима, но пределы твои уже не далеко! Скоро, скоро сокроешься ты от нас со всеми снегами и стужами своими, и скоро не останется и малейших следов твоих. Вся природа уже начинает приуготовляться к той важной перемене, которая вскоре воспоследует с нею. Солнце возвысилось уже высоко и, будучи на свободе, греет сильно и отчасу более и сильнее. Теплые дыхания ветров летят уже к нам из стран дальних. А скоро появятся и первые герольды весны. Они поспевают уже к нам из стран южных, и мы вскоре увидим их, летающих по полям нашим и опять обитающих с нами в жилищах сельских. Роши, осеняющие их в летнее время тенью своими, возгремят опять от крика их, а вскоре за ними услышим мы и песни других провозвестников весны, раздающиеся; в воздухе над главами нашими и толико приятные нам. Потоки вод потекут скоро с холмов и бугров и, вливаясь в реки, возбудят рыб, стоявших до сего спокойно в глубинах. Они, возвестя собою скорое приближение весны, принудят их вытти из зимних обиталищ своих и готовиться к вешним путешествиям и делам своим. А живущие с нами пернатые и скоты наши давно уже нам деяниями своими скорое приближение весны предвозвещать начали. Она и не замедлит притти к нам в свое время, и время сие уже не далеко и очень не далеко от нас.

О, как приятна для нас мысль сия, и koliko утешительна нам весна и при самом еще отдаленном приближении своем! Все бесчисленные красоты и приятности ее кажутся в отсутствии еще вдвое приятнейшими для нас. Мы, воображая их себе, не менее веселимся ими уже и ныне, как веселиться станем тогда, когда они существовать будут. Какое благоденствие оказала натура человеку тем, что придала ему способность утешаться и самым будущим и почерпать из единых воображений себе многие удовольствия и утехы. Какую благодарностию обязаны мы за то устроителю душ и сердец наших!

Итак скоро, скоро переменятся все виды вокруг меня, и я увижу везде опять ту зелень дорожную, которая толико уже крат утешала сердце мое, которая весь дух мой до восторгов доводила и никогда не прискучивала мне. Скоро, скоро покроются ею все холмы и бугры наши, и драгоценные бархаты расстелются повсюду пред ногами моими. Я буду ходить по мягкой мураве опять и насыщать зрение свое красотою природы, я стану паки восхищаться радостью и удовольствием, невинным от того.

Но дотеле, покуда совершится сие, да не буди того, чтоб я из пожелания скорейшего настанья весны возроптал на продолжение твое, зима! Для меня и ты не была скучна и несносна. Я старался и тобою воспользоваться и, примечая красоты твои, веселить ими дух и сердце мое. Мне и ты доставляла множество минут наиприятнейших в жизни, минут, о которых многие из сотоварищей моих и целые миллионы тварей и понятия не имеют. Ты доставляешь их и поныне еще мне красотою своими. Красот сих еще много. Прекраснее твои утры, с пышными и великолепными дымами своими, нежные иней дерев, отменно яркая нынешняя белизна твоего снега и множество других вещей утешают и поныне еще мой дух и сердце. Но как никто меня уверить не может, что не в последний уже раз я тебя и красоты твои в течение дней моих вижу, то не упущу воспользоваться тобою koliko можно более. Не упущу наслаждаться прелестями, которые имеешь ты и при самом конце своем. Я постараюсь всюду и всюду отыскивать их и, примечая оные, утешать ими сердце мое и благословлять тебя и в последние дни пребывания твоего у нас.

3. К мальвам или розам во время цвета их (сочинено 1795 в августе)

О, мальвы! О, пышные и великолепные цветы! Как описать мне красоту вашу? Как изобразить, сколь много пленяете вы наши чувства и украшаете собою сады наши?

Что б были они при конце лета без вас? Что б были сады сии, а особливо те из них, кои по случаю не кичатся красивыми плодами древес, не гордятся множеством оных и не привлекают ими к себе всего внимания смертных! Что б были они в то время, когда начинает уже осень приближаться и вся натура старится. Не составляли б ли собою точного подобия лесов, и лесов мрачных, скучных и лишенных всех приятностей тех, какими прельщают нас и леса в вешнее и летнее время?

Уже приятные тени их тончают, густота редет, а те зелени древес, которые посреди лета разнообразию своею толико утешительны для нас, давно уже начали терять всю живость колеров своих и со всяким днем более старятся и становятся безобразными. Уже видны на них здесь и тамо пожелтевшие и буреющие листья. Иные из них хотя висят еще на ветвях древес, но другие ниспадают уже с них и всякой день. Всякой день усыпаются ими уже тропинки и дорожки в садах, и они шурстят под ногами гуляющих по оным. Словом, все предвещает уже скорое приближение златой, но вкуче и разорительной осени, и сады наши скучный бы уже вид имели, если б не поддерживали вы еще собою красот и приятностей их и не делали б их посещения достойными.

Самые цветники сии, великолепнейшие ревиры садов наших, в таком ли уже виде в сие время, в каком бывают они посреди весны приятной? Всего того, чем наиболее гордились и величались они в наилучшее время в году, в них уже не видно. Нет в них ни гордых тюльпанов, украшающих так много цветники наши! Не белеются милые нарцисы с преклонными главами своими и не пленяют око белизною своею! Не синееются ирисы и не пестреются орлики разнообразностию кустов своих. Не величаются лилеи и другие порождения весны румяной. Самые пышные пионы давно уже оцвели и не прельщают нас гордыми махрами своими, а незадолго и самая царица цветов роза престала уже с нимфами и подругами своими украшать собою сады и цветники наши. С отшествием ее и собор всех прочих цветов власно как увядать начинает. Великая часть из них вместо прежнего великолепия своего делаются безобразными, и не красу уже, а дурной вид садам и цветникам собою придают. Повсюду видны мертвеющие уже стебли и буреющие листья их, производящие толикое отвращение к себе, что взоры наши уклоняются от них и не хотят достаивать их более своим зрением.

Одни только разноцветные шпорки и васильки с амарантами и другими сотоварищами своими, такими же летними цветами, продолжают украшать собою еще несколько наши цветочные ревиры. Они хоть силятся заглушать собою все безобразие предшественников своих, но учинить того далеко не в состоянии. Все украшение, делаемое ими садам нашим, неважно и против твоих красот, о мальва дорогая, ничем почти почтяться могут.

Ты одна заменяешь собою недостатки всех прочих цветов и затемняешь все безобразия погибающих. Ты одна поддерживаешь еще красоту садов наших и придаешь им собою такую пышность и такое великолепие, какое не могли иметь они и в лучшее время года. Как некакой исполин возвышаешь ты главу свою над всеми другими цветочными произрастениями и в сравнении с низкими родами оных так высоко, что между ими и тобою никакого почти сравнения быть не может. Колоссальные твои цветы по величине и яркости разных колеров своих видны повсюду уже издалика, и там, где стоишь ты не одна, а в сообществе подруг своих, красота и великолепие твое увеличивается еще более.

Тут в соединении своем составляете вы такие прелести, которые при первом шаге поражают уже око входящего в сад и восхищаться вами принуждают. Ежели количество ваше велико, есть ли разбросаны вы со вкусом по вертограду и стоите на местах приличнейших для вас, есть ли располагала вас рука вертоградаря умного и замысловатого, есть ли прелести и красоты ваши вдруг из разных мест поразят око зрителя, в сад входящего, и друг пред другом непрерыв привлекать станут к себе его внимание, то не будет он знать, куда оное устремить наперед и которыми из вас увеселять прежде зрение свое. Все вы прекрасны, все величественны, все пышны, великолепны и все достойны того, чтоб вас обозревать, вами любоваться и не только око, но и самой дух и сердце утешать вашими прелестями и красотами.

Никогда не позабуду я того, как некогда весьма удачно украшали вы собою маленький и любимый садик мой, который возрожден и возвращен был моими руками подле обиталища, где судьба определила мне пробывать многие годы сряду. Сколько приятных, сколько блаженных минут ни доставляли вы мне собою и прелестями вашими! Сколь много раз плавало сердце мое в удовольствии при смотре на вас, прекрасные мальвы! и сколь часто восхищалась душа моя от чувствиев наиприятнейших в то время, когда я, прохаживаясь по сему садику в уединении моем, вами на всяком почти шаге любовался.

Два куста из собратий вашей, униженные превеликим множеством цветов пышных и в красоте самым розам не уступающих, стояли посреди садика сего и прямо против входа в оной. Они видимы были еще прежде вхождения в сад, и пышные главы их, сплетенные из цветов огромных, возвышаясь превыше ограждения садового, привлекали уже издали внимание мимо ходящих и казались встречающими каждого входящего в сад и побуждающими иттить в среду его.

Но не успевал кто переступить первого шага в оной, как целый ряд собратий ваших, униженный многими сотнями пышных разноколерных цветов, обращал все его внимание к себе и, поразив приятным удивлением, останавливал. В левой стороне сада сей великолепный строй находился и украшал собою бок широкого пути, ведущего к храмину, воздвигнутой из зелени искусством новым и до того россам не известным.

Какое сборище красот представлялось тут единым разом очам зрителя любопытного! Здесь составляли вы огромные кусты, усыпанные множеством цветов розовых. Широкие ваши и важный вид имеющие листья в совокуплении своем служили вместо подножия и поддерживали на себе всю великолепную главу вашу, увенчанную цветами. Тамо возвышались вы высокими пирамидами, униженными снизу до самого верха цветами алыми и кровавыми колеров, столь живых и ярких, что наилучший кармин с ними сравниться не мог. Инде главное стебло ваше окружалось множеством других стеблей и, возвышаясь превыше всех их, гордилось над ними, как над детьми своими. Множество цветов видимо было на всех оных. Немного далее некоторые из товарищей ваших величались цветами бледными и алтейным подобными. Единая величина отличала их от оных, а иные имели их самого густого и почти багрового, но прекраснейшего колера. Словом, весь великолепный строй сей испещрен был толиким множеством цветов разнovidных, что все они в совокуплении своем представляли зрелище преузорочное и такую картину, на которую довольно насмотреться было неможно.

Сими красотами еще не успевал зритель навеселиться довольно, как другой собор бесчисленных красот и другое великолепие отвлекало очи и все его внимание к себе. В правой стороне и в некотором отдалении оттуда великолепствовал целый лесок, составленный из вас, мальвы дорогие, и униженный сплошь многими сотнями цветов ваших. Какой сонм цветов! Какое сборище колеров различных и какая приятная смесь оных ни представлялась тут под тению густых дерев очам любопытным!

Чувствительный зритель, любясь новым зрелищем сим, уже издали поспешал иттить туда и, приходя, обретал новые красы и великолепие новое. Две короткие стены, воздвигнутые из пирамид ваших, стоявших в самой близости друг подле друга, составляли тут преддверие

и власно, как торжественные врата в маленький мой елизиум, тот небольшой увеселительный лесок, которым никогда я довольно налюбоваться не мог, и потому обязан я за тысячи минут приятных в моей жизни.

Не могу забыть, с каким удовольствием вступал я всякий раз в сей пышный и великолепно-лепный вход, в милую рощицу сию, и сколь много утешался вами, мальвы дорогие, при самом гулянии по оной. Где б я ни находился в сем лесочке, искусством произведенном, и по тропинкам ли ходил тенистым и изогбенным, по полянкам ли гулял прекрасным и отверстым, на лужочках ли стоял, покрытых мягкою и нежною травюю, или отдыхал, сидючи на любимейшей лежаночке дернистой под тению илема широколиственного, осеняющего всю ее ветвями своими, как повсюду встречались вы с зрением моим и очаровывали оное милыми и прекрасными цветами вашими. Инде усматривал я вас стоящих на просторе во всей пышности и великолепии своем, инде растущих между дерев и украшающих зелень их собою, инде казались цветы ваши выросшими на ветвях высоких берез самых и придающими самым древесам красоту неопи-санную. В других местах казались гирлянды, сплетенные из листьев и цветов ваших, висящие с сучьев дерев разных и достигающими до земли самой. Тут целым площадкам и полянам придавали вы собою красу отменную и такую, какой они и в лучшее время года не имели. В иных местах видимы вы были, хотя не все обнаженные, но не в худшем, а еще в приятнейшем виде. Тут из цветов ваших только некоторые встречались с зрением моим при простирании оно-го сквозь густоту дерев, вокруг меня стоящих. По величине отверстий и промежутков, остающихся между ветвями древес, видим был инде только один в вышине, инде два или несколько цветов в кучке и увеселяли собою зрение. Яркость колеров их при зрении из темноты увеличивалась сугубо и для очей, а особливо при вечернем солнце производила такое действие, какого изобразить неможно. Все они и колера их, а особливо против солнца, казались неопи-санной красоты и такой живости, что все наилучшие краски им в яркости и красоте уступить долж-ствовали. Все красные и алые из них горели, как раскаленный уголь самой, и столь ярко и живо, что никакой кармин и никакая краска не могла никак уподобляться им, и все таковые производили в душе такое впечатление, которого приятность никак описать неможно.

Когда ж случалось идучи темною и тенистою дорожкой вдруг приблизиться к сонмищу вашему, стоящему при отверстии и выходе из оной, то, о какое приятное чувство производи-ли вы в душе, встречаясь внезапно с зрением в полной пышности и великолепии больших пирамид своих и поражая око бесчисленным множеством цветов и смешением разных друг друга густейших и приятнейших колеров их. Всякой раз не было возможности проитить без того, что не остановиться на минуту и не полюбоваться красотами вашими.

Но можно ль описать все то, что производили вы тогда в садике моем и какую красу придавали ему собою в тогдашнее время. Несмотря на всю пустоту,» господствовавшую уже тогда в оном, превращали вы его в сущий Едем и делали столь приятным, что я не скучал посещать его всякий день и веселиться столько оным, что и поныне еще не истребились из души моей приятные впечатления, которые производимы были в ней тогда вами и красотами вашими.

О милые и любезные цветы! По самой истине достойны вы предпочитаемы быть пред всеми прочими. Ни которые из них не могут никак сравниться с вами и ни которые не могут придавать садам нашим толикого блеска и такого великолепия, как вы, и так много утешать зрение наше своими красотами. О как жалки сады и цветочные ревиры, не имеющие в себе вас! Как пусты и безобразны они без вас в конце лета и при начале осени. Нет в них в сие время ничего такого, что в особенности могло б приманивать к себе и, привлекая око зрителя, заставляя любоваться собою. Единые только плоды, где они есть или случатся, да и то великое только изобилие оных к произведению того способны. Но и сие всегда ли, везде ли и надолго ли бывает? По снятии ж плодов остаются сады без вас пустынями сущими и такими местами, в которые и заглянуть никто не хочет. Вы же, милые цветы, не только в сие время, но и далее, и

по самую глубокую осень, можете собою поддерживать их приятности и делать их посещения достойными.

О как много теряют те, кои, имея у себя сады, а вас не имеют да и о заведении вас не помышляют и не стараются, коль многих удовольствий лишатся чрез то! Вы и самым простейшим и таким садам их, которые не имеют в себе ничего хорошего и ни к каким утешениям не способны, могли б уже собою придавать множество красот и приятностей и делать их и посещения и похвал достойными. Но что я говорю. Самым бездревесным огородам, самым овощникам могли б вы, милые цветы, придавать собою столько красот, что они могли б уже некоторым образом заменять недостатки садов самых и доставлять приятное гульбище для существ чувствительных и любящих себя веселить красотами природы!

Что касается до меня, то вы столько сделали мне милы и любезны, что я никогда не упущу иметь вас, пышные и величественные цветы в садах своих, и украшать вами все лучшие части и ревиры в оных. Вы достойны того, милые и приятные цветы, и с лихвою награждаете за труд, употребляемый для вас при посеве, рассадке и воспитании вашем. Никогда не поскучу я оным, ибо ведаю из опытности, что вы вознаградите меня за то тысячами минут приятных и веселых. Минут, каковые частичками прямого блаженства на земле почтены быть могут и каковых о искании себе я всегда и везде прилагаю старание.

4. Ко времени созревания плодов (сочинено в начале августа 1795 г.)

Наконец настало у нас и ты, о время созревания плодов, время наидрагоценнейшее и изобильнейшее в году. Дождались мы; и тебя, о период времени, важнейший из всех прочих период, который угодно было устройтелю природы ознаменовать особливим благоволением своим; благословить оной своею десницею Святою и назначить к производству важнейших польз бесчисленным тварям своим, нежели к каким все прочие от него назначены! Вся натура начала уже достигать до той цели своей, до которой с начала весны наиглавнейше стремилась она, стремилась денно и ночью, с такою неутомленностью и с такими таинственными трудами, которые превышают все воображения и все понятия наши.

Все перемены, какие ни происходили по сие время в обширной Натуре, все разнообразные явления, какие ни представлялись до сего взорам и очам нашим, и оные толь часто приятностями своими очаровывали, все таинственные действия природы, происходившие как в недрах земли, так и на поверхности оной, коим не могли мы надивиться довольно и кои толь много превосходят все понятия наши; – делались и происходили, на большую часть не сами для себя, но назначены были для совершения собою других и важнейших намерений. Все они главную целию своей имели то состояние вещей, в которое множайшие из них только в сие время приходят начинают. Все явления, бывшие до сего, были едиными только предшественниками, предвозвестниками и герольдами твоими. О ты, важнейшее явление природы! явление, достойное наивеличайшего внимания, а вкупе и удивления нашего!

Что такое происходило до сего? Что такое видели мы, как не единые только приуготовления твои к явлению нынешнему как к наиважнейшему деянию твоему, премудрая натура! Серые и безобразные поля наши покрывались зелени приятными. Миллионы трав и былин возрастали на них, и рука твоя сотыкала на них бархаты драгоценные и украшала их, как богатые ткани, цветами узорочными. Мы видели травы сии прозябающими из недр земных и укрывающими серую поверхность ее. Мы любовались ростом и умножающимися с каждым днем, возвышением их. Мы видели, как рука твоя соплетала на них колосья разнообразные и украшала ими стебли их, видели класы сии цветущими и буреющими, видели поля наши, тобою в образе морей превращаемые, любовались волнами, производимыми на них дыханиями ветров твоих. Видели потом класы сии позлащающимися и стебли под собою к согбению принуждающие. Мы видели все сие и любовались всеми зрелищами сими.

Тучные вертограды наши украшались злаками разными. Мы видели их в положениях и состояниях различных и переменных. Сперва также безобразными, там покрывающимися зеленью разного, а потом испещряющимися цветами многими. Мы видели и их порождения, выходящими из земли, видели возрастающими и ботеющими и взоры наши различием роста своего увеселяющими, и на все сие с удовольствием взирали.

Ветвистые леса, сады и другие древесные насаждения наши получали также разные виды и подобия. Мы видели их обнаженными сперва и могли рассматривать и тончайшие ветви на деревьях их. Видели, как деревья сии рукою твоею облакаемы были в летние одежды их, мы любовались густотою и разнообразностию листьев их, веселились живостию колеров их и прохлаждали члены свои приятною тению, производимую ими. Мы видели многие из них украсившими ветви свои тысячами цветов преузорочных. Мы прельщались красотою и великолепием оным и услаждали обоняние свое благовонием от них и всем тем не могли навеселиться довольно.

Все перемены и явления сии были видимые нами и довольно известные всем. А сколь много действий ни происходило, и таких притом, которые сокрыты были от очей и понятий наших и кои натура производила сокровенно от нас.

Никакой травинке и никакому растению неможно произойти самому собою и от себя, а того меньше образоваться, и все те явления и перемены производить, кои видимы нами были и коим иногда мы довольно надивиться не могли. Ко всему тому потребно было побуждение, побуждение, делаемое самою Натурою, неизвестными и утаенными от нас средствами и путями.

К произведению всех перемен оных надлежало всем стихиям содействовать и всей той великой машине в непрерывном действии и движении быть, которая с начала Света продолжает кругообращение свое и устройство которой превышает все понятие и умовоображение наше. Морям надлежало доставлять воды свои в подземные горнилы, а сим парениями взгонять их чрез ущелины земные до самой поверхности ее и рассеивать их жилами всюду и всюду для напоения оной и произведения тысячи источников и ключей, изливающих непрерывно воды свои в реки, доставляющие их паки в озера и моря. Солнцу, воздуху, ветрам и теплоте надлежало поднимать нежнейшие испарения из сих вод во время течения их в высоту и, соплетая из них туманы, тучи и облака, орошать из них росами и дождем произрастения в их росте. Земле надлежало доставлять из недр своих в коренья их влагу, туки, соль и другие нужные им части и потребности. Воздух долженствовал отделять от себя части свои и, доставляя в тесные скважины состава их, вовлекать вместе с собою также разные масляные и солянистые частицы в недрах его, в рассеянии парящие, и помогать тем со своей стороны возрастанию их. Огню и другим стихияльным веществам надлежало также помогать своими действиями при том и совокупно всем наполнять и раздувать собою развивающиеся постепенно машины, устройства наипремудрейшего, находившиеся до сего в тесном сожмении и уже давно перстами природы изготовленные.

Всем сим и тысячам других вещей надлежало действовать и действиями своими помогать к тому, чтоб все произрастения получали свойственные им виды и подобия и в составе своем имели все приличные каждому соки и силы, и ни единое из них во время возрастания своего не отступило от порядка, десницею преевечного предначертанного ему.

Но к тому ли одному толико трудилась вся натура, трудилась денно и ночью с начала весны и по сие время, и происходили все сии известные и сокровенные действия, явления и перемены в природе, чтоб увеселяться нам только зеленью трав и кистьями дерев, прохлаждаться тению от них, утешать взоры наши цветом их разновидностию или употреблять их в некоторые небольшие пользы себе и скотам нашим?

Ах, нет, и сего быть не может! Пользы сии хотя и не без выгоды для нас, однако, слишком еще малы, и конец сей далеко не соответствует величине действий и трудам природы. Ему надобно быть несравненно важнейшему и пользе гораздо существительнейшей. Она и есть такова действительно, и натура трудилась толь много, верно, не попустому. Не наслаждались только мы еще по сие время ею и начинаем только теперь пользоваться щедротою сею, сниспосылаемою от небес к нам.

Для нас в нынешней жизни единого веселия еще мало и недостаточно. Блаженство наше составлять предназначено только в будущей жизни, а здесь почестся оно может единым только побочным концом, а кроме одного нужна еще и нужна гораздо более нам пища и пропитание. Без сей не могли бы мы пользоваться и увеселениями всеми. Итак, пища сия и снабдение нас оною на все годичное или еще множайшее время было главнейшею целью, для которой росли, цвели и возрастали произрастения и для которой пекущаяся об нас натура с начала весны даже до сего времени так много и неуспынно трудилась.

Но, о, какое поле удивления открывается мне, когда я простираю мысленный взор свой на все, относящееся до сего пункта, и обзираю все следы попечения Твоего и заботы об нас,

благодетельная Натура. Предназначив к наиглавнейшей пище и пропитанию нашему хотя те же самые зерны, производимые тобою в колосьях и в других сосудцах, бываемых на произрастениях твоих, которым назначила ты быть вкупе и орудиями к продолжению родов их, не оставила ты пещись и о возможнейшем удовольствии вкуса нашего. Ты не только снабдила все их разными вкусами, превосходящими друг друга в приятности и доброте, но премудро распорядила, чтоб самые те из них, которые для нас нужнее прочих, не только производимы могли быть с меньшим для нас трудом и в множайшем количестве, кои вырастали почти обнаженные, покрытые только тонкого кожицею, от которой отделять нам их малого б труда стоило, но которая вкупе помогала б им длиться долгое время без вреда и быть удобными к сбережению на несколько лет оных. С теми ж, которых угодно было тебе произвести меньшее количество и не так устроить, чтоб могли они служить нам ежедневною пищею, благоволила ты сделать иное распоряжение, распоряжение премудрое, но не менее для нас благодетельное и полезное. Многие из них одела ты телами толстоты неодинаковой и состава многообразного и удивительного. Тела сии, снабдив ты соками родов различных и угобзив ароматами благовонными, произвела для намерений не менее важных. Ты, придав им разные и друг пред другом преимущественные и лучшие вкусы, назначила все их к тому, чтоб они служили не только по пропитанию нам, но вкупе и услаждали вкус наш и производили тем отменное удовольствие для нас. Но дабы и самые немногие зерны сии не без всякой пользы для нас оставались, то многим из них придала ты способность снабжать нас разными млеками и елями, пригодными для приправ и услаждения яств наших. Иных же не одарила сими способностями, одарила ты другими и: также для пользы нашей. Некоторым из сих вместо тела на семенах повелела ты производить коренья отменного состава и величины и, снабдив их разными вкусами, также в доброте и приятности друг друга превосходящими, сделала их способными и к пропитанию нашему и к услаждению вкуса приятностию своею. Другим определила производить единые только листья особливой величины и устройства и способные питать нас большую часть времени годового. А некоторым единые только стебли, облеченные веществом особым и таким, которое назначила ты в иную для нас пользу, и сделала удобным к производству тканей и одежд, могущих защищать тела наши от суровости непогод и доставлять нам многие другие выгоды. Несметное же множество других, рассеваемых не нами, а твоею собственною рукою, назначила ты для иного, но не меньше важного и великого намерения. Сими питаешь ты несметные тысячи других животных, тварей разных родов, видов, подобия и к разным намерениям назначенных тобою. Всех их питаешь ты с толикою заботливостью и с таким попечением об них, что из всех мнхогочисленных родов их ни единый еще род с начала мироздания не оголодал и не перевелся и донине. Всякому из них назначена от тебя особая пища и пропитание, и всякий и находит ее в каждый год со избытком и не терпит оскудения в ней.

Сим образом пеклась ты об них и о сохранении родов их, несмотря хотя многих из них назначила ты питать собою других тварей, сотоварищей своих, и, по-видимому, в множестве погибать от того. И в самом сем распоряжении твоём сияет непостижимая премудрость, соединенная вкупе с особливым и благодетельным попечением об нас. Некоторым и довольно многим из них, питавшимся отчасти произрастениями и разными частями их, отчасти семенами оных или другими и разными животными, предназначила ты производить собственно и нам многообразные и важные пользы. Многим придала ты способность к общежитию с нами и не только покорила в особливости велениям нашим, но придала им способность производить нам важные услуги. Некоторые из них облегчают труды наши и помогают нам силами своими в доставлении себе всех способностей и исправлении нужд житейских. Другие отдают нам шерсть и волну свою для сотыкания из них одежды себе, а яйца, масло и млеко для пропитания нас. Многие питают нас самыми телами и внутренностями своими и снабжают теплыми мехами для согревания, а перьями и пухом для успокоения членов наших. Иные во все течение лета денно и ночью неутомленно трудятся в собирании и приуготовлении меда для услажде-

ния вкуса нашего и воска для освещения жилищ наших в часы мрака и темноты. А другим повелела ты искусством, все понятие наше превосходящим, сопрядать из соков своих нити и снабжать нас ими для сотыкания из них наших одежд лучших.

Тако, премудро и благотельно, пеклась и заботилась ты о пользах и выгодах наших, попечительная натура! И кто может сповесть все благодеяния, оказываемые нам тобою ежегодно! Бесчисленны они и велики, и ты достойна за них благодарности беспредельной, а особливо в сие время. Для осыпания нас ими и всеми дарами твоими назначила ты хотя разные периоды времени годового, но период нынешний сделала ты знаменитейшим из всех и выгоднейшим для нас. До сего пользовались мы ими постепенно и понемногу, а теперь по особливому благоволению своему, начинаешь осыпать ты нас ими вдруг и в превеликом изобилии и множестве.

О какое! приятное удовольствие можно иметь мыслящим и чувствительным душам, если с умственным обозрением всех благодеяний твоих соединять теперь и телесное! Никогда не упоется душа моя толикою сладостию и никогда не плавает сердце мое в удовольствии том великом при мыслях и обозреваниях таковых, как в теперешнее время. Куда ни направлю стопы мои, куда ни простру очи мои, везде вижу следы благодеяний твоих, повсюду встречаются со мною зрелищи, увеселяющие взоры мои и приводящие всю душу мою в такое положение, которого приятность я никак изобразить не могу.

Выйду ли на поля, окружающие обиталище мое, простру ли взор свои на луга, распростертые по долинам и низам, углублюсь ли в прохладные недры лесов тенистых, обозрею ли умственным и телесным оком своим реки и другие воды, рассеянные по окрестностям селения, обитаемого мною, и все, находящееся в них и на оных, обойду ли все места и части самого жилища моего, разные в нем ограждения и все в них находящееся сбозрею, загляну ли на гумно мое с умножающимися в нем теперь всякой день скирдами хлебными, войду ли в ограждения, где растут мои овощи и травы огородные, выйду ли в сады мои, и загляну ли во все части и ревиры оных – как везде-везде увижу я изобилие, везде дары, рассыпанные твоею рукою, щедрая и благотельная природы! и повсюду людей и самых животных, собирающих оные, питающихся оными и впрок себе их заготавливающих. Все и все находятся в движении и все в трудах, и трудах хотя тяжких, но приятнейших во всем годе. Никогда им они толико легкими не кажутся, как в сие время!

Тамо вижу и поля, усеянные множеством поселян, занимающихся: уборкой хлебов своих и собирающих в гумны свои дары, сниспосланные им от небес в лето сие. Все члены семейств их от мала до велика с охотою берут участие в сем; труде всеобщем, и все трудятся без стенания, но охотно и с удовольствием еще: иные посекают класы серпами и косами острыми, другие снашивают снопы, связанные из них, и складывают в кучи, иные взвивают их на повозки и везут в жилища свои. Далее другие рассевают уже новые семена или готовят их для вверения вновь недрам земли, обработанной ими.

Здесь вижу луга, испещренные стогами сена, заготовленного для питания скота, строгого между ими, и людей, ограждающих оные тонкими древесными. Между тем пастыри бегают и загоняют утучненных и играющих животных, которые их попечению вверены.

Тамо нахожу лес до того безмолвный, ныне же оживотворенный множеством людей, посещающих его ежедневно. Созрели теперь многие плоды древес диких, и они собирают оные, а вкупе с ними и растения земли самой, ею в сие время производимые в них. Инде вижу поселян, едущих от пчел своих с большими сосудами, наполненных сладким медом, полученным от избытков их. В другом месте встречается стрелок со мною, обвешанный множеством птиц разных, настреленных им на водах и болотах, где они выводили детей своих и без всякого вспоможения нашего воспитывали для нас. Инде вижу уже раннего ловца, с быстрою и прекрасною птицею на руках разъезжающего по нивам, украшавшимся недавно колосьями златыми, а

теперь уже обнажившимся. Проворный пес сотовариществует ему и помогает отыскивать пернатых, прилетающих к нам из стран дальних для питания нас собою и детьми своими.

На водах, встречающихся с зрением моим, вижу целые стада птиц разнородных, плавающих по поверхности их, с многочисленными детьми своими, достигшими уже до возраста совершенного. А над ними других, то в высоте парящих, то быстро к лицу самой воды спускающихся и делающих обороты разные. В чистых струях прозрачными очами своими усматривают они рыб, живущих в оных и подходящих близко к поверхности вод, острыми когтями своими изловить старающихся, что по великому изобилию оных им и удается часто. В других местах вижу других, которые исполинами между пернатыми почестья могут, шагающих на длинных ногах своих по отмелям вод сих и добывающих также свойственную пищу себе. Инде вижу юношей сельских, преграждающих мелководия в реках забралами каменистыми, а других, извлекающих уже из них сплетенные из гибких ветвей древесных, мрежи свои со множеством рыб всякого рода и радующихся о добыче своей. Далее вижу целое сонмище молодых поселюнок, пестреющихся вдали разноцветными одеждами своими. У сих созрело произрастение из всех любимейшее для них, и они, выдергивая оное из земли и связывая в пуки и снопы небольшие, устанавливали их в кучки пирамидальные, и теперь [вижу] чрез воды перебирающихся по мелям и при воспевании песней сельских, возвращающихся в дома свои.

Инде вижу пыль, поднимающуюся столпом в высоту воздуха чистого, и слышу громкий стук от колес, в недрах сего облака густого происходящий. Целый ряд порожних сельских колесниц катится тут быстро, и как на крылах ветренных, по пути гладкому и сухому, и согласная дружина молодых и старых поселюнок поспешает на них за оставшими еще на нивах сокровищами своими, чтоб успеть еще до вечера докласть огромные стопы, воздвигаемые из них подле жилищ своих. Восклицания их при понуждении лошадей своих к скорому бегу раздаются далеко по сторонам, и отголоски оттого достигают до ушей моих. Другую дружину с длинным рядом движущихся громад класистых вижу шествующую уже медленными стопами на сретение сей и спускающуюся бережно с горы высокой. Вместо стука и грома слышен тут уже скрип от колес, под тяжкими бременами стелящихся.

Я последую ли взорами своими за обозом сим до гумна господского: какое множество людей усматриваю я тут, и всех их в каком движении, рвении, трудах и работе! Око мое не может насытиться зрением на целые сотни снопов, взлетаемых друг за другом на воздух в высоту и тамо в ряды и порядки полагаемые. Из трудящихся людей сих одних вижу я, основанные полагающих, других – возвышающих и вывершивающих огромные стопы, подобные башням и твердыням городским, иных – подвигающих к ним с поспешностью воза свои других – расхватывающих оные в один миг и отдвигающих потом опорожненные и всем тем друг пред другом поспешающие непрерыв.

Все это собрание и сохранение впрок даров твоих, благодетельная натура! и где... где? не видно теперь таковых же упражнений? Весь народ находится в движении и в трудах в сие время и не только земледельцы, но и прочие люди как в обиталищах сельских, так и городах самых. Те, которые не занимаются собиранием с полей плодов, упражняются в собирании, скупании или распродавании садовых и огородных овощей. По всем селениям развозятся воза, наполненные ими, и все рынки в городах установлены оными. Куда ни помотришь, везде видны яблоки, сливы, груши, орехи, морковь, репа, огурцы, арбузы и множество других мелких плодов садовых, лесных и огородных. Множество людей занимаются продажей и разными приустройствами из них. Здесь перебивают и солят огурцы и устанавливают в погреба теплые, там пекут яблоки и перебивают из них белейшее и пышное тесто для пастил сладких. Инде варятся разные варенья из плодов и ягод садовых, лесных и полевых. А в других местах занимаются хозяева бережным обиранием и разборком лучших и зрелейших плодов своих и так далее. Словом, все и все находится в движении по поводу тому, что все плоды, производимые

тобою, натура, начали приходить в созрение и с каждым днем получают от часу множнейшее совершенство.

Мыслящий и чувствительный смертный, обозревая все сие умственным и телесным оком, может извлекать из всего того для себя тысячи увеселений непорочных и все дни периода сего проводить в удовольствии особом. С каждым днем может находить он везде предметы новые, могущие не только увеселять зрение, но и занимать всю душу его наиприятнейшими помышлениями и производить в ней ощущение сладкие. Ему нужно только смотреть на все не так просто и не так грубо, как смотрит большая часть сочеловеков его, и не оставаться при одной поверхности вещей, а вникать умственными очами своими несколько глубже в их состояние и обстоятельства, до них относящиеся и принадлежащие. Ему нужно обозревать их не с одной, а со всех возможных сторон и наиболее таких, которые могут трогать его душу чувствительную и производить в ней ощущения нежные и сладкие. Ему надобно стараться замечать наималейшие черты и обстоятельства, к тому способные, и, отыскивая, ловить их везде, где и в чем только он наитить их может. За все сие и получит он мзду, неоцененную себе. Душа его воспользуется наслаждением тысячи минут приятных, минут, которые не противны будут самому Творцу его и каковые от самого его назначены к составлению ее блаженства на земле. Блажен, кто, повинувшись в сем случае гласу самой природы, постарается исполнить то, чего сама она от него требует и к чему сама его приглашает в нынешнее время.

5. К бархатцам (сочинено августа 17 дня 1795)

О бархатцы! о милые и любезные цветки! Как вы хороши и прелестны собою! И как много люблюсь я всегда вами. Вы были мне всегда любезными. Любил я вас в самое утро дней моих, любил в наилучшие годы жизни моей и люблю и ныне, когда главу мою уже седина покрывает. И вы кажетесь мне достойными любви таковой. Вы имеете в себе нечто нежное и нечто в особенности приятное и такое, что прилепляет к вам душу мою. Нежные ваши мягкие листочки, густо-желтый и живейший колер ваш, а паче всего тот наинейнейший и несравненный ни с чем малиновый или густо-красный бархат, которым покрыты бывают большие и испещряются прочие мелкие листки небольших цветков ваших, придают вам отменную красу и преимущество пред другими весьма многими цветами, сотоварищами и современниками вашими. В каких иных можем мы найти такого прелестного и прекрасного колера бархат? Одни только лихнисы равняются в том с вами, но далеко отстают от вас прочими совершенствами своими.

Не принадлежите вы хотя к цветам пышным, гордящимся величественным ростом своим или взрачностью больших и красивых цветов своих, привлекающих уже издали к себе зрение каждого, не можете хотя украшать сады наши со излишком и придавать им великолепие самое. Не услаждаете хотя обоняния нашего ароматическим и приятным запахом своим, но принадлежите к породам цветов мелких, низких, собою невзрачных и не могущих кичиться долговременною жизнью своею, а одарены от природы длением, продолжающимся единое только лето, но зато не угнетаете вы никого из сотоварищей своих, не безобразуете цветников наших дурным и беспорядочным видом травы и листьев своих как во дни молодости, так и старости своей. Не являетесь нам по примеру других только на немногие дни и на самое короткое время, не возрастаете и живете на определенных местах себе тихо, скромно, беспорочно, не обижая никого и не делая никакого зла и вреда никому, так, как живут и между нами тихие, скромные и незлые люди, и делаете спокойно то, к чему назначила вас натура, и по мере сил и способностей своих стараетесь производить возможные пользы.

Со всем тем не позабыты и вы совсем от щедрой природы. Не лишены и вы всех преимуществ, какими величаются многие из собратий ваших, но она уделила их и на вашу часть несколько и одарила многими такими, каких не имеют целые сотни и тысячи родов из собратий ваших.

Кроме прекрасного и бесподобного бархата вашего, которым вы толико превосходите всех прочих, весьма немногие из них сравняться могут и с махровостью цветков, и с пестротой, и с расположением листков ваших, а особливо в полных и махровейших цветках пред другими. Хотя претекли с того времени многие годы, как я в первый раз увидел таковые в цветниках у себя, самым мною посеянные и возвращенные, но и поныне не могу еще забыть, как много я тогда любовался и веселился вами, цветки милые и дорогие, и как доволен был приобретением сим. Оно веселило меня тогда, почти более, нежели веселят иных из сочеловеков моих и важнейшие приобретения, получаемые ими в жизни. Приобретения, доставаемые ими с трудами и заботами бесконечными, а того еще хуже сколько правдою, а более еще неправдами всякими. Я не отходил почти тогда от вас, посещая вас ежедневно, и любовался красотою вашею по несколько минут сряду. Да и теперь, хотя уже более тридцати крат возобновлялась натура после того времени, и я, видая вас ежегодно у себя, имел довольное время присмотреться к красоте вашим, но вы все еще не прискучили и все еще милы и приятны мне. Я и поныне в каждую весну с удовольствием рассеиваю семена ваши, дожидаясь с вожделением расцветания вашего и, когда красуетесь вы в полном цвете своем, то не одну минуту провожу в отменном удовольствии, стоя подле вас и любясь всеми красотою вашими, цветы милые мои.

Кроме сего не с меньшим преимуществом отличаетесь вы и тем от множества других цветков из собратий вашей, что вырастаете в великом множестве на кустах ваших и украшаете их многочисленностию своею. Какого прекрасного зрелища не представляете вы, когда растете не в розницу и не поодиночке между другими и теснящими вас со всех сторон произрастениями грубыми и большими, а на просторе и в содружестве только своих собратий и в обществе своем многочисленном. Будучи все одинакового почти роста, все унизаны великим множеством цветов прекрасных и при утреннем солнце, как самый жар горящих цветов таким множеством, что за ними не видно почти и самого темно-зеленого и цветкам вашим толико соответствующей травы вашей, стоите, растете и ликуете вы тут, как некое мирное, кроткое и счастливое семейство, и, пленяя взор красотою своими, утешаете вкупе и дух, способный к ощущениям мягким и не бурливым.

К дальнейшим преимуществам вашим принадлежит и то, что цветете вы не самое короткое время: не два, не три или четыре дня, как цветут некоторые из товарищей ваших, но долго-долго, многие дни и несколько недель сряду, а притом еще в нужнейшее время. Вы цветете тогда, как сады наши уже пустеют, когда красота их начинает уже увядать и когда им всего нужнее цвет для поддержания оной.

Самую сию услугу и могли б вы производить им собою: если б только рука вертоградяра похотела употребить вас к тому и располагала вас со вкусом и догадкою. Какую б красу могли б вы придать полянке иной, сидючи на бугорке низеньком или холмике отлогом, подле густой опушки лесочка ветвистого, на берегу лужочка гладкого и увенчива[я] чело бугорка сего целым лесочком, составленным из одних вас, цветы милые мои! Како блистали б тут злато-желтые махры ваши против утреннего солнца, и какое пригожество придали б вы всей лужайке тем! Или как много могли б вы украшать цветники и другие места в садах наших, если б посажены были иногда непрерывными длинными и густыми рядами прямыми или согбенными и обгибали б собою или фигуру какую или край площадки или дорожки какой. В сих и других случаях, сему подобных, можно б и вас сделать видными и наградить тем то, что не одарены вы от природы.

А что сказать о том качестве и совершенстве вашем, что вы и по сорвании вас не так скоро вянете, как многие другие из собратий ваших, но длитесь иногда довольно долго и делаетесь способными чрез то к соплетанию из вас гирляндов и венков и украшению ими при торжествах разных вещей в садах и домах наших. Какую красу можете вы придавать в таких случаях и одни, и в смешении с другими. Наконец, не составляет ли и то уже преимущества важного, что вы, милые и любезные цветы, не таковы нежны и причудливы, как многие другие из сотоварищей ваших, таких же переселенцев к нам из стран дальних, как вы! Имя, придаваемое вам народами чуждыми, ¹ извещает нам, что вы пришлецы в пределы европейские и преселены в них из горячих стран Африки. Может быть, предки ваши украшали серальские сады какого-нибудь владетеля стран южных и, прельстив собою зрение бывшего европейского странника там, побудили его вывезть оттуда первые семена ваши. Самое то, что не вытерпливаете вы наших морозов вешних, подтверждает нам догадку нашу и доказывает вкупе, что вы не наши земляки, а уроженцы стран южных и теплых. Со всем тем и несмотря на то, вы не только растете и у нас на севере с успехом наилучшим, но заводите и размножать вас еще скорей и легче можно, нежели иные какие. Где и где у кого вас нет? Из всех пренесенных к нам произрастений чуждых едва ли не к числу первейших и древнейших принадлежите вы, цветы милые! Вы не только нам, но и прадедам нашим были известны и венками из вас украшали уже бабки наши лики святых, наиболее почитаемых ими.

По всем сим многим преимуществам и способностям вашим как жаль, что не удостоиваетесь вы такого уважения и такого почтения от всех, какого вы поистине достойны и заслужи-

¹ У всех почти иностранных народов называются бархатцы и шапки-Африканскими. *Flos africanus*.

ваете. Как жаль, что есть люди и люди очень многие, не воздающие вам должного, но такие, которые не только не уважают, но даже и презирают вас, цветы милые и дорогие.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.